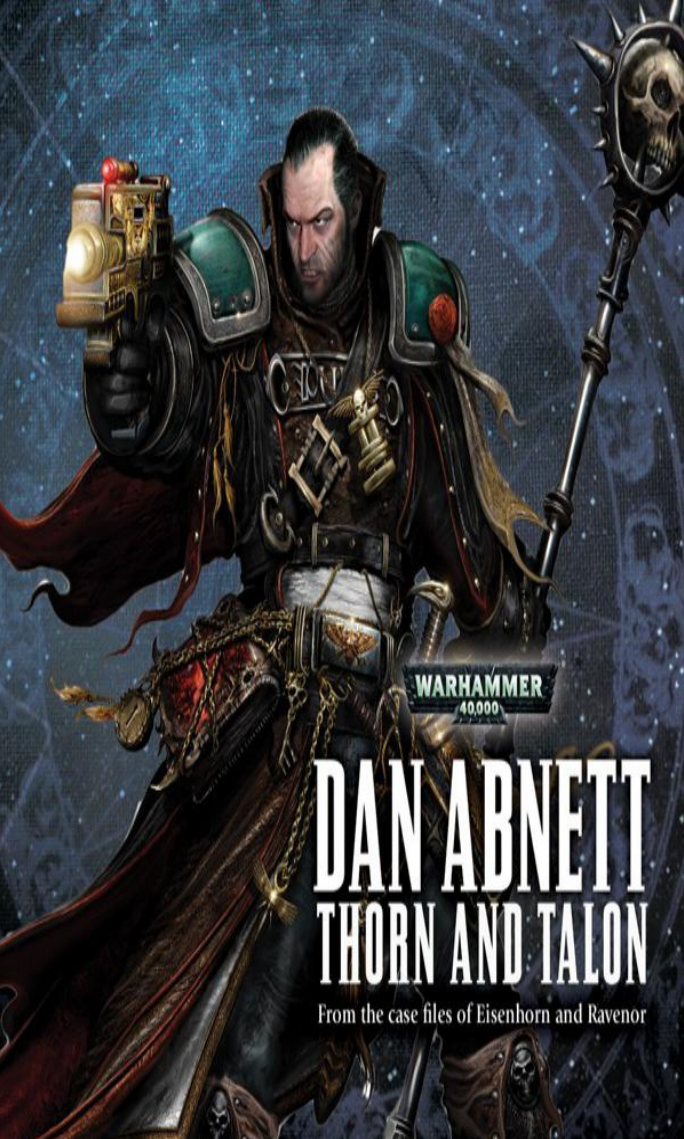

WARHAMMER
40,000

DAN ABNETT THORN AND TALON

From the case files of Eisenhorn and Ravenor

«Региа Оккульта»

(аудиограмма)

...

Персонажи:

...

Грегор Эйзенхорн -- инквизитор Ордо
Ксенос,

Малдер Зельвин -- комиссар округа
Джаред,

Лана Хау -- работница на причале,

Вагнер -- администратор Фүтхольда,
старый байкер

Глава 1

Я попал в округ Джаред с войками через
Күлбрик. Воздушное сообщение оставляло
желать лучшего, поэтому
механизированная часть Имперской
Гвардии с явной неохотой
доставила меня из столицы в городок
Күлбрик, и то сделано это было потому,
что

комиссар Джареда настоял на этом.

Это был ... м-м-м... 223.М41 и я только начал работать самостоятельно. Уже тогда, в

самом начале моей карьеры, ко мне относились с притесью страха и подозрения.

Инсигния или титул инквизитора, или они оба заставляли разум людей напрягаться.

Сейчас мне всё это надоело, но тогда давало мне вульгарное ощущение власти.

С инквизитором Флэймо произошел несчастный случай в виде убийства при переходе

через варп шесть месяцев назад и меня направили в качестве местного блюстителя,

отвечающего вместо него за феодальные территории, находящиеся под защитой сектора

Геликан. В круг моих незавидных обязанностей входила, в основном, работа в качестве

местного судьи, мотающегося от планетарной столицы к планетарной

столице,

рассматривая дела разных бродяг,
собираемые местными властями.

Большинство этих

расследований едва ли касалось дел Оргоса

— паники, вызванные суевериями и мелкими

разногласиями, хотя один раз я провел

восемь недель на Небьюле, работая через

клиентуру, что, в конечном итоге,

выявило торговлю низкосортными

несанкционированными псайкерами.

С Небьюлы я отправился на Узник —

маленький и самый отдаленный

феодалный мир

колонии, на взгляд самый отсталый. У

тут Узник меня не разочаровал.

Маленький,

влажный и окруженный ущельями,

созданными непрекращающимся дождем и

направленными к пенящимся морям, этот

мир был административно разделен на

графства, каждое по миллиону

квадратных километров.

Столица мира называлась Фүтхольд и

она же являлась первым поселением колонистов.

Они были шахтерами и геологами, занимающимися единственным выгодным делом на

Изниксе. Но недолго местные шахтеры работали по специальности,

переспециализировавшись на извлечение золота и руды из золотодобытчиков, просеивающих песок на многочисленных быстрых реках планеты. Многие из этих рек волнами несли драгоценную

руды -- сегодня она есть, а завтра нет. Поколения удачливых старателей строили этот

серый город Фитхолд. Все полезные ископаемые продавались во внешние миры за

твердую валюту, и это место было построено из тех материалов, которые не могли

продать. Дома были грязные и мрачные, большинство изготавливалось из рокрита местного производства или кирпичей из

обожженной пелзы.

Я каждое утро просыпался в душной гостинице и шел в здание суда разбираться с

незаконченными делами. Ни одно из них не заслуживало моего внимания или хотя бы штатна Оргоса. Я занимался этим уже четыре дня, когда началось кудактанье. Так это

называли местные; более уместно было бы назвать это явление сезонными электроэфирными штормами, побочный эффект смещения орбиты и вращения звезды Изникса.

Такие шторма случались ежегодно и неизменно накрывали северное полушарие цветастым электромагнитным шоу. Небеса озарялись огнями Святого Эльма, или были

усеяны гнезда на крышах, мачты кораблей, и еще страдала вокс-связь. Эфир заполнялся

звуктами, похожими на сухое злое кудактанье, что и дало название явлению.

Какие-то

годы были спокойные, какие-то были плохие.

223 был плохим годом. Кудактанье было очень интенсивным; оно не давало совершать

любые полеты, даже челноки с поверхности не могли попасть на корабли на орбите.

Передачи с и на Узник были приостановлены, и я застрял тут, как оказалось

впоследствии, на три недели. Это всё было в новинку и поначалу даже доставляло

удовольствие: мерцающие в небе гнет и ночью огни были весьма занятными и переливались такими оттенками, с которыми, клянусь, я не сталкивался с тех пор. Но

постоянное противное кудактанье становилось всё тягостней и мучительней и, вместе с

мерзким металлическим потом,

вытягивало из меня все запасы отваги.

Воздух был

спертым и душным и я устал получать удары током от каждой голбанной железяки,

которой я касался. Я прилетел сюда, чтобы понять, почему Флэймо ставил

Цзникс

последним в списке своих посещений.

Разбираясь с гелами, я немного скрасил ожидание окончания хихиканья. Я читал, исследовал и завязывал мимолетные знакомства с путешественниками, в основном это

были торговцы, оказавшиеся в таком же положении, также живущими в гостинице.

Может быть, «гружба» - это сильно сказано. Я с ними пил, болтал, играл в регициг, но не

более. Больше всего меня бесило то, что они знали кто я такой. И в первый раз за мою

службу я ощутил, что моё тривиальное ощущение власть меня подводит.

Ближе к концу первой недели
вынужденного времяпровождения пришло
сообщение от

комиссара округа Джаред. Так как вокс-
связь не работала, то послание привез
мотоциклист, пересекший залитые луга и
размытые долины округа за одну ночь. Я
тог

лишь предположить, насколько хорошо
заплатил ему комиссар, ибо вид у гонца по
приезду был довольно затученный.
Администратор Фитхольда, старина по
имени Вагнер, доставил мне бланк
сообщения и подождал, пока я прочитаю
его.

Эйзенхорн: Кажется, он очень настойчив,
этот комиссар.

Вагнер: Малдер Зельвин, он прекрасный
парень, очень сознательный. Он узнал, что
вы

находитесь в городе по своим
обязанностям, и, несомненно, надеется,
что вы окажете
ему любезность.

Я потряс бланком.

Эйзенхорн: Вы думаете, это правда?

Вагнер пожал покатыми плечами.

Вагнер: Для меня всё это слишком
сложно, вы не находите? Я не обучался
навыкам

инквизитора.

Зелвин, комиссар округа Джаред
докладывал о паре убийств в своем городке,
без

лишнего воображения названном Городом
Округа Джаред. Он подозревал в этом
деятельность культа и просил мнения
представителя Инквизиции. У меня были
все

основания не обращать на это дело
внимания, если бы не два обстоятельства:
первое -- у

меня не было занятия лучше этого; и
второе -- Зелвин писал: «Жертвы имели
беспорядочные глубокие раны и порезы, а
смерть наступила от удара чем-то
тяжелым по

голове. У каждого трупа отсутствует

левое ухо».

Эйзенхорн: И как я туда доберусь?
Сможете вы раздобыть для меня транспорт?

Вагнер только постеялся.

Вагнер: Ха-ха, здесь? Ну, хорошо, посмотрю, что можно сделать.

Глава 2

Имперская Гвардия подвезла меня на своем «Кентавре», оборудованном тентом от дождя и огромными надувными пузырями желтого цвета, предназначенными для форсирования водных потоков. Экипаж машины совершенно не был раз такому путешествию, но предпочитал об этом не болтать, зная, что я и кто я. После двенадцати

часов толчения грязи тракатами и езды по болотистым расщелинам, они перевезли меня

через ров по железному мосту в Күлбрик. Пока мы пересекали ржавый мост, я наблюдал, как огни Святого Эльма, танцующие

и треща, молниеносно пробегают между столбами.

Кулбрик с его мерзкими лачугами, был лишь пунктом пересадки в моем путешествии.

«Кентавр» отправился обратно в Фүтхольд. А я пересел на грузовое судно, вивавшее лучшие времена.

Водитель: Здесь были убийства, знаете ли.

Водитель упомянул это во время разговора.

Эйзенхорн: Я что-то об этом слышал.

Водитель кивнул. Тонкие нити статики пробежали по его шарнирам, когда он крутил штурвал.

Водитель: Четыре трупа.

Глава 3

Сказать по правде, я был весьма восхищен комиссаром округа Джаред Малдером

Зельвином. Испытывая нужду практически во всем, он восполнял это абсолютным оптимизмом. Он лично показывал мне окрестности столицы округа и явно гордился этим.

Город пересекали двенадцать речных протоков и казалось, что все мосты, настилы, площади и жилища были пчелиными сотами над стремительными потоками бурной реки.

Вода пульсировала, скрежетала и пыхтела, несясь вниз по каналам города в своем путешествии с гор к морю.

Пересекая новый мост, Зельвин с гордостью рассказал мне, как пять лет назад он

забыл позаботиться о его строительстве для блага общества. Эта большая металлическая

конструкция соединяла Коммерцию с торговым портом, что, несомненно,

отражалось на

рабочей деятельности. До постройки
моста торговцам надо было каждый день
нанимать

лодки для того, чтобы переправить в
Коммерцию. Река, которую они
пересекали, была самой

крупной и делила город пополам, а новый
мост был снабжен подъездными секциями
для

того, чтобы пропускать торговые суда и
прочие корабли, идущие с побережья в
складские

доки. Это было впечатляющее
произведение инженерной мысли, и мы
пересекали его

под нескончаемое световое шоу хихиканья.

Зельвин прилагал все усилия для
поддержания и улучшения своего общества
невзирая

ни на что. Мы остановились на
сверкающем причале Коммерции и наняли
большую

машину. Зельвин был коренастым

мужчиной пог пятьдесят лет, с редкой
шевелюрой и

густыми усами. Он вытащил
инфопланишет из кармана пальто.

Зельвин: Все жертвы были обнаружены в
районе Коммерции. Вот схема их
расположения. Лично я не вижу в ней
стысла.

Я молча с ним согласился.

Эйзенхорн: Есть ли какие-нибудь улики с
места преступления, судебные
материалы?

Зельвин: В процессе я их вам дам.

Эйзенхорн: И вы выяснили уже об этих
четверых...

Зельвин: И еще двое с тех пор, как я
отправил вам сообщение.

Эйзенхорн: Есть ли какая-то связь между
ними?

Он помотал головой.

Зельвин: Кроме, того, что их всех убили
из одного оружия, между жертвами нет
какой-

либо связи, за исключением места их работы: грузчик, кладовщик, младший торговый

работник и шлюха. Мы не смогли провести каких-нибудь параллелей. Самое большое,

что смогли узнать, это то, что они грузом друга не знали.

Эйзенхорн: Но у вас есть предположение.

Он кивнул.

Зельвин: Убийца живет где-то в Коммерции.

Эйзенхорн: Почему?

Зельвин: Каждое убийство совершалось тогда, когда новый мост были разведены. Никто не

переправлялся в торговый район. Но мне, так это говорит о том, что он местный.

Я кивнул.

Эйзенхорн: Если только он обычный убийца, конечно, а нет из тех, кому интересуются

Оргос.

Зельвин: Конечно же, мы расследовали случаи убийства за многие годы, инквизитор. У

меня в офисе много таких дел, но эти — случайный выбор жертвы, отрезанные уши...

Эйзенхорн: Вы думаете, это имеет какое-то значение?

Зельвин: Сбор трофеев. Культисты любят брать их, насколько я знаю. Я имею в виду

ритуалы всякие. Хм... Это понахивает ритуалом.

Эйзенхорн: Думаю, это возможно.

Зельвин: Да, я тоже так подумал.

Эйзенхорн: Почему?

Зельвин: Ну, вас бы иначе тут не было бы.

...

...

Кудахтанье становилось всё более яростным по мере того, как опускалась ночь. Когда мы

покидали Коммерцию, начал лить дождь

и завыли сирены, предупреждая о том, что
новый мост начинает разводиться на
своих гидроприводах. На реке была полная
вода.

Глава 4

Я рассматривал жертв в ледяном
мерцании городского морга. Способ
хранения трупов в

окрестности Джаред был далек от стандартов
Оргоса. Они были просто свалены в
огромном

морозильнике и от холода стали
бардового цвета, а конечности почернели
от

обморожения.

Зельвин: Извините.

Зельвин наблюдал за моей работой.

Зельвин: Хотелось бы располагать
лучшими возможностями.

Эйзенхорн: Забудьте.

Я пользовался зондами, чтобы протыкать
холодные тела, беря пробы и делая замеры.

Некоторые рубленые раны были столь глубокими, что выглядели, как следы от оособо

уродливых когтей. Они были подобны разведенным в счастливой улыбке губам, и наполнены черным льдом.

Зельвин: Это работа культа? Если здесь культ, то что мне с ним надо делать?

Эйзенхорн: Нет, это охотник.

Зельвин: Охотник?

Я кивнул.

Зельвин: И что это значит?

Эйзенхорн: Сбор трофеев это охотничья причуда — левый палец, клок волос...

Зельвин: Разве это не ритуал?

Эйзенхорн: У охотников тоже есть свои ритуалы.

Кажется, его это опечалило.

Зельвин: Получается, никакого культа нет.

Эйзенхорн: Вас это будто бы разочаровало.

Комиссар Джаредга выдал слабую

улыбку.

Зельвин: Конечно же, нет. Просто я надеялся, что это чего-то да стоило. Хотел

произвести на вас впечатление. Если это просто работа серийника, то я лишь потратил

впустую ваше время. Мне следовало бы разузнать всё получше.

Эйзенхорн: Не говоря уже о...

Я договорил злобным тоном.

Эйзенхорн: ... но если бы это было работой культистов, то я занимался бы этим делом

вместе с вами.

Зельвин помотал головой.

Зельвин: Прошу прощения, что вынудил вас совершить это путешествие, сэр.

Мне стало немного стыдно за свое поведение. Я отложил зонг, вытер затерзшую кровь с

перчаток и повернулся к нему лицом.

Эйзенхорн: Послушайте, за неимением

лучшего я вам помогу. Так или иначе.

Зельвин: Вы это сделаете?

Он выглядел несколько озадаченным.

Эйзенхорн: Конечно, почему бы нет?

Зельвин: Потому что вы... вы знаете.

Эйзенхорн: Инквизитор? Инквизиторы любят серийных убийц еще меньше, чем комиссары. У меня есть определенные навыки, комиссар Зельвин. Я думаю, что смогу

завалить это животное.

Он улыбнулся. Это была самая теплая, самая искренняя вещь, виденная мной за несколько лет.

Глава 5

Только я успел завести последний труп обратно в морозильник, как появился офицер

милиции и зашептал что-то на ухо Зельвину. Он повернулся и посмотрел на меня. Я

почувствовал его страдание. В смысле,

что физически ощутил. Таланты
псайкера,

которые послужили мне позже и повлияли
на мою карьеру, в те далекие дни были еще
несовершенны и неотточены, однако их
чуткие функции отзывались на его боль.

Зельвин (нервно): Ох... Пока мы
занимались здесь...

Эйзенхорн: Говорите, Зельвин.

Он глубоко вздохнул.

Зельвин (нервно): Ох... Пока мы суетились
здесь, там произошла еще одна смерть.

Эйзенхорн: Тело все еще на месте
преступления?

Он кивнул.

Эйзенхорн: Давайте его осмотрим.

Глава 6

Нам пришлось подождать минут пять,
прежде чем новый мост опустился, и мы
смогли

попасть в комтерцию. Без нас один из
милиционеров. Руки комиссара Зельвина

слишком

тряслись, чтобы ему можно было
доверить руль. Мост светился огнями
Эльта. Небеса

были странного цвета, они вихрились и
вращались. Лил дождь. Под нами
стремительно

мчался речной поток в своем желании
скорее добраться до моря.

Лана Хау работала на причалах уже
двенадцать лет и была постоянным
клиентом

забегаловок и закусовых в нижней части
Коммерции. Когда-то она была популярной,
энергичной девушкой с хорошей
внешностью и восхитительными ногами,
но работа взяла

свое. В последние месяцы она
зарабатывала тем, что окучивала
определенную

клиентуру -- мужчин, которых
интересовало то, что она умеет делать, а
не то, как она

выглядит. А теперь она мертва. Ее тело

лежит на полу склада недалеко от центра
Коммерции. Его обнаружил ночной
сторож. Худенькая, очень худенькая и
слишком

накрашенная косметикой, она лежала
голая в нелепой позе под ярким светом
переносных

ламп. Кровь из глубоких порезов натекла
под неё. Левое ухо отсутствовало.

Зельвин: Тоже, что и с другими.

Он согрознулся.

Эйзенхорн: Нет.

Я присел возле тела.

Зельвин: Нет?

Эйзенхорн: Нет, и она все еще...

Я хотел сказать «жива», но это было бы
неправильно. Она больше не была живой, но
была свежей, свежей по сравнению с теми
обмороженными трупами, что
предоставил

мне Зельвин немого раньше.

Зельвин: Опять охотник?

Эйзенхорн: Похоже на то. Ухо... вы

заметили.

Зельвин: Почему же вы думаете, что это охотник, инквизитор Эйзенхорн?

Эйзенхорн: Будете резаные раны? Слишком глубокие... Они потому такие, что охотник,

возможно, хотел ускорить процесс разложения. Ему требовалось, чтобы после убийства

труп сгнил как можно быстрее.

Зельвин поджал губы.

Зельвин: Что вы теперь будете делать, сэр?

Эйзенхорн: Я собирался сказать, чтобы вы и ваши люди покинули это место. Создайте

периметр в шестьдесят метров.

Зельвин: Зачем?

Эйзенхорн: Не спрашивайте об этом, комиссар.

Зельвин: Но я хочу остаться.

Эйзенхорн: Тогда вы останетесь, а ваши люди пусть исчезнут.

Глава 7

За всю свою последующую карьеру я редко прибегал к своим авточувствам, так как со

мной постоянно был профессиональный астронавт. Каждое такое действие имело последствия. Но тогда я был молод, нетерпелив и полон энергии. Удивительно, что я

вообще выжил.

Эйзенхорн: Заприте дверь.

(Шагу)

Зельвин подчинился. Его люди ушли.

Эйзенхорн: Не вздумайте прервать меня, чтобы я ни говорил.

Он прислонился спиной к тяжелым складским дверям. Я встал на колени возле

искромсанного трупа и глубоко вздохнул. Снаружи доносилось кудактанье, шумное и ритмичное.

Эйзенхорн: Лана Хау.

Я почувствовал, что Зельвин открыл рот, чтобы спросить, почему я, во имя Трона, разговариваю с трупом. Я думаю, что именно тогда он, наконец, понял, что происходит. Я

почувствовал, как внутри него пузырится страх и сильное желание оказаться снаружи

вместе со своими людьми. Он никогда прежде не видел ничего подобного.

Эйзенхорн: Лана Хау.

Воздух на складе наполнился лосняще-холодным ощущением запредельности. Свет стал

ярче, и окружающие предметы обрели резкие очертания. Разные запахи этого места --

сажа, рокрита, масла, мешковины, растворителей и наших тел -- внезапно стали более

сильными, более четкими.

- Что я тут делаю? -- спросила покойная Лана Хау.

Эйзенхорн: Лана Хау?

Лана Хау: Привет, мистер. Хотите получить удовольствие, сэр?

Эйзенхорн: Лана, меня зовут Грегор.

Лана Хау: Какое прекрасное имя, Грегор. Наверняка ты очень щедрый, Грегор. Что я могу

для тебя сделать сегодня вечером?

Эйзенхорн: Где вы, Лана Хау?

Лана Хау: Здесь, с тобой, на складе, голубыш. Это моё место, здесь тихо, безопасно. Ты

уже из постоянных, не так ли? Мне знакомо твоё лицо.

Эйзенхорн: Вы никогда не видели меня прежде, Лана. И никогда больше не увидите.

Лана Хау (хихикая): Горячий парниша!

Она захихикала. Её хихиканье было неуклюжим аккомпанементом к удахтанью.

Лана Хау: Держу пари, что ты ещё вернешься и довольно скоро.

Эйзенхорн: Мне надо, чтобы вы сосредоточились, Лана Хау.

Лана Хау: Сосредоточилась? Вот как?
Почему ты продолжаешь использовать мое
имя,

мое полное имя? Это твой бзик, мистер?

Эйзенхорн: Лана...

Я чувствовал, что Зельвин борется со
своим желанием распахнуть дверь и
броситься

прочь отсюда. Мне в действительности
не хотелось, чтобы он находился здесь.
Всё, что

мог увидеть, это то, как встал на колени
возле тела. Он не мог видеть то, что
видел я. А

именно последовательный образ жертвы,
явившийся мне. Она была одета в дешёвое
открытое платье и сидела на ближайшем
ко мне ящике нога на ногу, в нетерпении
качая

одной из них.

Эйзенхорн: Лана, вы меня слышите?

Лана Хау: Откуда ты знаешь мое имя,
мистер?

Эйзенхорн: Из досье Административа.

Лана, кто это сделал?

Лана Хау: Кто сделал что? Давай уже, в твои планы ожидание не входит. Ты был в Бауэре?

Эйзенхорн: Лана, пожалуйста, дай мне увидеть. Кто сделал это с тобой?

Лана Хау: Кто сделал со мной что? Послушай, я не собираюсь торчать с тобой всю ночь, покажи хоть свои деньги, мистер.

Я достал кошелек и извлек три кроны. Воздух был очень холодным. Мое дыхание обдавало паром открытые раны трупа, лежащего передо мной. На ящике образ Ланы

качал ногой.

Лана Хау: Очень хорошо. Чего ты хочешь? Полный сервис, другие штучки?

Она резко прыгнула и, встав на ноги, принялась стягивать платье через голову. И только

тут, кажется, она заметила тело, лежащее на полу. Её образ долго смотрел вниз, руки

затерли в процессе стягивания платья.
Когда она вновь посмотрела на меня, слезы
на её

глазах уже размывали косметику.

Лана Хау (плача): Когда?

Эйзенхорн: Не так давно.

Лана Хау (плача): О, Трон... Что такое я
сделала, чтобы заслужить это?

Эйзенхорн: Ничего. Лана, я хочу знать,
кто это сделал. Ты ведь покажешь мне?

Она показала мне. Она показывала мне, и
её голос становился всё тише и тише. У
когда

закончила, она исчезла полностью, не
сопротивляясь, лишь бросив на меня
последний

взгляд своих глаз с потекшей косметикой.
Я снял свой плащ и накрыл труп.

Глава 8

Снаружи до рассвета оставалось не
больше часа. Дождь стихал, и кудяхтанье
утрачивало свою интенсивность. Зельвин

в ожидании милицейского транспорта

несколько раз прикладывался к набедренной фляге. Когда я подошел к нему, он

предложил её мне. Я сделал большой глоток.

Зельвин: Вы...

Эйзенхорн: Мне нужна минута.

Работа истощила меня, но еще сильнее истощило нервное возбуждение.

Зельвин: Есть ли хоть какой-то сдвиг?

Я кивнул. Несколько милиционеров и два коронера с носилками направились на склад по

кивку Зельвина. Спустя несколько минут кто-то принес мой плащ. Я жестом позвал Зельвина и направился прочь в сторону нового моста.

Эйзенхорн: Это хорошо, что я остался. В конце концов, это дело оказалось под юрисдикцией Оргоса.

Зельвин: Культ?

Эйзенхорн: Нет, но и не охотник. По

крайней мере, любой из них мог совершить
эти вещи, но тот факт, что это не их
рук дело, и имеет значение для Оргоса.
Мы имеет тут дело с

Региа Оккульта.

Зельвин: Скрытый путь...

Он перевел. Зельвин был не дурак. Он знал
высокий готик.

Эйзенхорн: Это буквальный перевод. В
Оргосе это имеет более особое значение.

Зельвин: Продолжайте...

Эйзенхорн: Региа Оккульта это тропы,
туннель или портал, если вам так угодно,
связывающий нашу реальность с варпом.

Зельвин: Он создан умышленно?

Эйзенхорн: Возможно, культы и еретики
иногда и открывают их намеренно, но они
могут

возникнуть и естественным путем. Более
того... Ткань пространства истончается
местами

и иногда даже происходят протечки.

Он покачал головой, и грустная улыбка

мелькнула под его тяжелыми усами.

Зельвин: Ох, я практически ничего не знаю о варне, сэр.

Эйзенхорн: И не должны, комиссар. Это запретные знания. Я лишь скажу вам то, что вам

надо знать. Региа Оккульта в столице округа Джаред и она прямо здесь.

Глава 9

Зельвину потребовалось лишь несколько минут, что бы мост и прилегающие дороги были

перекрыты и забаррикадированы милицией. Через час всё это заполнится движущимися

на работу людьми.

Зельвин: Вы мне можете объяснить, почему всё это случается только тогда, когда поднят

мост? Я имею в виду, когда он блокирован.

Эйзенхорн: Чем всё рассказывать, я лучше вам покажу.

Мы заняли позиции в конце Коммерции --
я, Зельвин и четверо вооруженных
милиционеров с мощными автоматами.
По моему кивку комиссар дал сигнал в
машинное
отделение моста на гальном берегу и
операторам, управляющим гидравликой.
Тяжело, с
тупым визгом, с каким обычно
открываются ворота, массивные пролеты
начали
подниматься. Кудяхтанье светилось в
рассветном небе над нашими головами.
Голубые
петли шипящих огней св. Эльма
сплетались и струились, словно змеи
вокруг стальных
украшений мостовых башен и продолжали
свой путь вдоль поднимающихся краев
гигантских металлических пролетов.
Гидравлика отключилась, когда пролеты
встали в
обычное поднятое положение -- под углом
примерно сорок градусов относительно

земли.

Мы ждали, встатриваясь в холодные
металлические скосы пролетов,
возвышающихся

над нами. Внизу, вне поля зрения, быстро
бегущая река булькала и шипела.
Прождали

ты десять минут. Мерцающие огни
собирались в всё более и более тяжелые
полосы

вокруг поднятых наконечников пролетов,
словно их там что-то привлекало — так
же

толнию притягивает к грозоотводу.
Затем раздался сухой электрический
треск и сильно

запахло озоном. Один из милиционеров
жестом указал вверх — хлыст огней Эльта
сорвался с наконечника одного пролета и
перекинулся на наконечник другого, подобно

тому, как загогулина
электростатического напряжения
трещит между двумя

изолированными проводниками. Он

оставался там, держаась и потрескивая,
словно

связывая две половинки моста яркой
крученой веревкой. Эта особенность была
не явно

различима в том пестром видении, что
показала мне Лана Хау, но внезапно я

почувствовал, что смог распознать
ключевой механизм inferнального Редиа
Оккульта.

Один из милиционеров начал что-то
говорить, но я уже сам знал, что
происходит.

Зашевелились волосы на затылке и
запястьях, в животе словно возник ледяной
шар, а в

голове появилась жгучая боль.

Появился убийца. Он просто появился из
ниоткуда, словно воздух разошелся как
занавес

и выпустил его. Он возник высоко над нами
на пролете моста и начал спускаться вниз
по

крутому наклону. Сам он нос не видел, а

мы слышали его тяжелые шаги по металлической поверхности. Хотя он и был гуманоидом, но человеком он не был. Я был

самым большим человеком в нашей группе, но он был в два раза тяжелее меня и вполтину выше. На его плечах был накинута тяжелый изорванный плащ из кожи

животного с капюшоном. Размах плечей был очень широким. Боль в моей голове становилась всё нестерпимей с каждой секундой. Я едва мог сфокусировать взгляд. Эйзенхорн: Убейте его!

(Многочисленные всплески лазерного оружия, звериный рев)

Мы открыли огонь, четыре войсковых автомата выплёвывали массивные пули, в полтину большие, чем стандартные. Лазган Зельвина и мой штурмистолет с оглушающим шумом шпиговали плоть снарядами... Убийца был мертв лишь через несколько секунд. Шквал огня отбросил его и разорвал в клочья грязный плащ. Он

обладал столь удивительной силой, что смог сделать шаг и другой ног нашивки залпами, прежде чем они его сломали.

(Звериный рев и звук падения)

Он тяжело упал и покатился вниз по склону. Это был взрослый орк-воин; его били

судороги, огромный железный колун выпал из его лапы и большие металлические челюсти валялись на дороге рядом с его телом. Мы медленно подошли. Общеизвестно,

что зеленокожих очень трудно убить, и, несмотря на все его раны, я трижды выстрелил

ему в голову с безопасного расстояния.

(Три пушечных выстрела)

Ухор, почти черный в утреннем свете, потек по склону. На искореженном тропе были

видны татуировки, племенные знаки, грубый пирсинг и браслеты. Ожерелье из человеческих ушей висело на шее.

Зельвин: Зеленокожий? Но здесь их нет. У

нас орков не было уже несколько поколений.

Эйзенхорн (шепотом): Это пришло... не отсюда...

Я понял, что мне еще трудно говорить и сосредоточиться. Боль в голове стала еще хуже, чем была. Словно там был раскаленный провод.

Эйзенхорн (шепотом): Это могло появиться откуда угодно -- Редиа Онкюльта может

соединиться с любым местом. Однажды зверюга вышел поохотиться и нашел здесь свой

конец. Я полагаю, ты никогда не узнаешь, где... о... где...

Зельвин: Унквизитор? Унквизитор
Эйзенхорн?

Я почувствовал, как Зельвин подхватил меня за руку. Боль за глазами превратилась в

вихрь психической агонии. Я едва ли мог что-то сказать, но мне действительно надо было

сказать кое-что. Мне надо было предупредить

«это не закончилось». Резица Оккульты всё
еще

была открыта. И пока мы стояли,
обступив орочий трүн, второй появился со
скрытого

пүти. Для своих размеров он двигался
очень быстро. Я двигался так, словно был
налит

свинцом, пронзенный болью. Бурлящие
варн-врата копьем вонзались в мой
восприимчивый разум.

(Звериный рев)

Я услышал дикий рев и почувствовал
грязную вонь животного. Кажется, меня
отшвырнули в сторону. Раздались
автоматные выстрелы. Орк прикончил
первого

милиционера, как только оказался среди
нас, раскроив голову парня ударом
зачубренного

топора. Человек рүхнул от сильного удара,
в агонии молотя ногами по земле, череп
развалился на две половинки, когда орк
выдернул топор. Схватив второго

человека за

горло, орк приподнял его и откусил ему
лицо.

(Человек кричит от боли)

Страшно подумать, что этот бедняга
жил еще около десяти минут.

(Звериный рев)

Прежде, чем побежать огромными
прыжками к темным зданиям Коммерции,
орк

шипастой глубиной сломал спину
третьему милиционеру. Зельвин и
оставшийся

сотрудник открыли вслед ему огонь.
Человек со сломанной спиной лежал на
земле и
кричал.

Зельвин: Эйзенхорн.

Эйзенхорн (измененным голосом):
Опустите... мост.

Мне не хотелось использовать свои
умения на моем бедном товарище, но у
меня не было

выбора. Я не мог пошевелить рта.
Зельвин обточился, когда я проник в его
разум. Но к

его чести, он нашел в себе силы отгнать
приказ в машинное отделение.

(Мост опускается)

Новый мост, грохоча и звеня, медленно
опускался на место. Огни Эльма,
беснующиеся

между пролетами, стали уменьшаться и,
как только половинки моста сошлись,
вовсе

исчезли. Мой разум тут же очистился,
пропала боль. Режущая Оккульты была
закрыта.

Глава 10

Кровь, текущая из моего носа, капала на
жакет. Я поднялся и побежал к складам.
Орк

пропал из поля зрения. Я должен был
найти его раньше остальных. Зеленокожие
очень

опасны; этот же был в ярости: наверняка

Он был ранен и знал, кто это сделал -- тот же, кто его и преследовал -- человек. Зельвин бежал следом за мной. Оставшийся в живых

милиционер остался на месте, слишком потрясенный, чтобы двигаться, автомат ходил

ходунот в его трясущихся руках.

Эйзенхорн: Зельвин, возвращайся. Подними на ноги всю свою милицию.

Зельвин: Бүдет сделано!

Он крикнул и те, кто сидели за баррикадами, бросились следом за нами. Мы вошли в

помещение где, по всей вероятности, заселорк -- склад, заполненный контейнерами с минеральными удобрениями. Светосферы висели на стропилах, но часть из них не работала. Бледный утренний свет пробивался сквозь щели в крыше.

Эйзенхорн: Тут.

Я затер и прислушался. Тут было тихо, если не брать в расчет настелившее кудяхтанье.

Я попробовал использовать свой разум, но был слишком истощен, да и среди людей не было такого псайкера, который смог бы отследить разум зеленокожего. Орки были слишком тупыми. Вместо этого я глубоко вздохнул и проанализировал запахи, витавшие

в воздухе -- минеральная вонища, мокрые камни и намок, всего лишь намек на запах зверя.

Мы двинулись вперед. Я заметил влажные пятна, ведущие в сторону сложенных ящиков.

Если кто-то недавно не нес тут дырявый бак с прометиумом, то Зельвин сумел ранить это

существо достаточно хорошо. Я коснулся пальцем одного пятна. Оно было еще теплое.

Эйзенхорн: Он... здесь.

Зельвин уже знал это. Существо возникло из теней, кошмарно тихо для своей массы, и

схватило его за горло. Я медленно

повернулся.

(Зельвин хрипит и булькает)

Орк подтянул комиссара округа Джаред к своей массивной груди так, как мать прижимает

своего ребенка. Левой лапой он полностью обхватил шею человека. Зельвин побледнел, выпучив глаза. Орк поднял правую лапу и мягко опустил свой громадный морд на череп

Зельвина. Тонкая струйка крови побежала по лицу комиссара. Глубоко посаженные желтые бычьи глаза орка установились на меня из-под бровей. Тяжелые, дряблые губы подергивались и торщились. За гнилыми пеньками зубов сально перекачивался огромный язык. Каждый из этих зубов был размером с мою ладонь. Орк был глупым существом, но достаточно сообразительным, чтобы понять, что попал в трудное

положение. Он заключал со мной сделку — жизнь за жизнь. Я точно это знал. Иначе Зельвин был бы уже мертв.

Я подумал было о том, чтобы
выстрелить, но тут был риск задеть
комиссара. Я был

слишком уставший и не мог хорошо
прицелиться. Тем более, если брать в
расчет, что

орков трудно убить. Даже если бы я
выстрелил и попал, это было бы
бесполезно. У меня

была лишь моя воля. Я никак бы не смог
повлиять на орка, но вот Зельвин был
совсем

другим делом. Без колебаний я вторгся в
паникующий разум комиссара. Одной рукой
он

всё еще сжимал лазеристолет. Я нажал
его пальцем на курок.

(Звук лазерного выстрела, звериный рев)

Выстрел начисто снес стопу правой ноги
орка. Зеленокожий затрясся от боли, а я

переключился на двигательные функции
Зельвина и заставил его вырваться из лап.

Ц

ощутил его удивлению от того, что тело

двигается без его участия. Он столь
быстро и

сильно вырвался из ослабших лап орка,
что с разбегу ударился лицом о ящик
справа от

меня.

(Два пушолетных выстрела)

Я уже стрелял, держа пушолет двумя
руками. Я опушолел всю обойму
пушолета

в грудь орка, отбрасывая его на стоящие
за ним ящики с удобрениями. Очередь
пробила

его металлическую броню, но сам он
остался на ногах.

(Звук перезарядки)

Я вытащил пустую обойму, с грохотом
бросил её на пол, и спешно вытащил из
кармана

полную. Защелкнув её, я сразу выпустил
все заряды в лицо и шею орка. Его затылок
взорвался, забрызгав ихором стоящие
зади ящики. Монстр качнулся и сделал
несколько

шагов в мою сторону.

Эйзенхорн: Сдохни, раги Трона.

(Звук падения чего-то тяжелого)

Оно мертво. Ящики, загерметизированные при падении, сорвались, упали и разбились, погребая его под кучей минеральной руды, шлака и железных ящиков. Шум был просто оглушительный. Я

прикрыл ладонью лицо. Пыль поднялась и медленно осела.

(Звук шагов)

Я помог комиссару Зельвину подняться на ноги. Его сильно трясло. Мы оба были покрыты

тонким слоем каменной пыли. Он взглянул на кучу и темный ухор, медленно вытекающий из-под неё.

Зельвин: Срань господня.

Глава 11

Не было иного способа, способа известного Оргосу, чтобы закрыть Региа Окультата.

Я

весьма ясно указал Зельвину, что новый мост никогда снова не должен развестись.

Поднятые его пролеты вполне с Кудактаньем создавало уникальную комбинацию для

создания Режа Оккульта. Зельвин и так не нуждался в указаниях. За день до моего отъезда были демонтированы машинное отделение и тяжелые гатчики гидравлики. Я

знаю, хотя и не могу подтвердить это фактами, что новый мост был снесен сильным

течением во время наводков спустя несколько лет. И его так и не восстановили.

Режа Оккульта больше не появлялись в столице округа Джаред. Комиссар Зельвин,

продолжающий служить обществу шесть с половиной десятилетий, повесил один из оловянных топориков на стену своего кабинета и любил рассказывать посетителям, что

кровь

на нем -- это его кровь.

Глава 12

Я ъезжал утром, Зельвин пришел проводить меня.

Зельвин: Ха... надеюсь, ты больше не увидишься, инквизитор.

Он потряс жатыми мою руку.

Эйзенхорн: Я тоже на это надеюсь, комиссар.

Он помолчал.

Зельвин: Я полагаю, это пожелание доброго пути.

Эйзенхорн: И я тоже.

Глава 13

Я попал в Фүтхольд опять же через Күлбрик. «Кентавр» Имперской Гвардии ждал меня

там, сжигая топливо на холостых оборотах. В отличие от гвардейцев, я был рад их

вигеть. Кудяхтанье слабело и мне
хотелось быстрее покинуть Узникс.

Кудяхтанье пропадало, но все же
настаивало на своем последнем стешке.

Много лет

спустя, под конец жизни, настеливая
непогода Узникса часто меня
преследовала. Но

это был... ох... 223М41 и я только начинал
работать самостоятельно.

...